
Где-то в Бонне

Старая фрау

На поминки

Наденет траур

И слышатся ей из далека

«- Блиц-кринг-блиц!»...

- «Где-то мальчик

Фриц?..» -

И слеза набежит на око...

А Фриц – на погосте,

Дожди омывают кости.

Где-то «нах остен»

Фриц получил

сполна:

Его уложил отец-старшина

На вечные времена...

А в Бонне –

опять

«бонбонят»!

Снова:

«Нах остен!» -

Фашист собирается

«в гости!»

- Ну знаете что,

недобитые,

бросьте! ...

На углу авеню Санта-Моники
От темна до темна напролет
Кто-то русский на русской гармонике
Невеселую песню поет:

«Меж высоких хлебов затерялася...» -
Рот скривило, и губы свело.-
«Горе-горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело...».
Без работы, без дома и Родины,
Как песчинка в кипучей реке...
И слезинка, крупнее смородины,
По небритой стекает щеке.

О пощаде взывают аккорды,
Но их глушит безжалостно гам.
Проплывают чванливые «форды»
И копейки бросают к ногам.

Что тебя доконало, сердешного?..
Кто в тебе человека убил?..
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Ты ведь русское поле любил!..

По военной дороженьке долгой
Забрести, знать сюда довелось...
Отпусти его в город над Волгой,
Золотая тюрьма – Анджелос!

На углу авеню Санта-Моники
От темна до темна напролет
Кто-то русский на русской гармонике
Невеселую песню поет.

Нет конца песни грустной и долгой,
И раздумий, и горестных слез...
Отпусти его в город над Волгой,
Золотая тюрьма – Анджелос!...

ВОЕННЫЙ ТРИПТИХ

В победных лучах фейерверка

В день окончанья войны

По фронту идет проверка –

С конца и в конец страны:

- Капренко?

- На месте!

- Семенов,

- Хайрулин

Мурат?

- Смертью храбрых...

В Бресте... -

Там, под курганом,

лежат...

- Сорян,

Иванов,

Дугашвили

Чего не становятся в ряд?..

- В братской они ...

могиле

Вечным

огнем

горят...

Ой, сколько друзей не стало!

Всех не упомнишь лиц –
Павших, пропавших и вставших
На пьедесталы столиц:

-Фаворский?

-На месте!

-Шальнов?

-В Бухаресте.

- Кручинин?

- В Берлине.

- Муради?

- В Белграде.

В Варшаве, Софии –

Алонов и Фиев.

Данилов и Брагин

Остались в Праге.

Стоят в Будапеште

Стрельцов и Пелеште.

В Вене – Рамзей...

Ой, сколько не стало друзей!..

В победных лучах фейерверка

В день окончанья войны

За мертвых встают на поверку

Правнуки, внуки, сыны.

Зовет на ученье тревога,

И там, где границы черта,

Ракеты внушительно-строго

Свои поднимают перста.

Команда – точнее счета,

Вернее, чем сердца пульс:

-Расчеты!..

-Готовы!..

-Внимание!..

Пуск!..

ВДОВА СОЛДАТСКАЯ

Чуть-чуть приоткрыто окошко

И там, в голубой тишине,

Бедовая снится гармошка

Суровой солдатской жене.

Ей помнятся вешние клены

И первый цветок-огонек,

И он по-смешному влюбленный-

Белесый, такой паренёк.

Гармошка, гармошка, гармошка,

Родная, прошу об одном:

Пусть счастье продлится немножко

Под утренним вдовьим окном.

Пусть нынче забудутся боли,

В заречную даль помани,-

Туда, где в ромашковом поле

Впервой целовались они.

Ты ей о хорошем поведай-

О дальней счастливой весне.
Пусть он возвратится с победой,
Хотя бы в коротеньком сне!
Чуть-чуть приоткрыто окошко
И там, в голубой тишине,
Бедовая снится гармошка
Суровой солдатской жене...

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Не высоко, не к самым небесам,
Но поднимался сам
Как говорят, нажав на все педали
Там видел: «свет» и «цвет», потемки и рассвет,
За далью – открывались дали...
Совался, возникал, вникал, входил в накал.
И ел, и голодал.
Одетым был и голым, как сокол.
Тянул как вол, работал, как глагол.